

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ 1988

Павел Смолин

Павел Смолин

Председатель 1988

«Автор»

2026

Смолин П.

Председатель 1988 / П. Смолин — «Автор», 2026

1988 год. Новый председатель получает колхоз, где всё вроде бы работает — коровник, элеватор, молокозавод, свинарник, лесопилка. Только молоко уходит налево, зерно исчезает, ветврач пьёт, а молодой агроном впервые узнаёт, что земля учебников не читает. Придётся наводить порядок, собирать людей в одну команду и вытаскивать хозяйство, пока страна вокруг уже начинает меняться. А дома ещё и дочь пора бы замуж выдать.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	19
Гл	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Павел Смолин

Председатель 1988

Глава 1

Глава 1. Снег в апреле

Трасса от Тимашевска была новая, шесть полос, без единой заплаты. Я сам когда-то добивался, чтобы её довели до нашего второго элеватора.

— Выручка за полугодие шестьдесят три и четыре, — сказал Олег. Он сидел справа с планшетом на коленях и листал таблицу. — Против прошлого года плюс одиннадцать процентов. Молоко вытянуло. Зерно по цене просело, но объёмом добрали.

— Ставрополь?

— Паи по Кировскому оформили. Четыре тысячи двести гектаров. Там двое упёрлись, но юристы дожали.

За окном шла пшеница. Ровная, светлая, уже с желтизной, до самого горизонта. Над ней ходили круговые поливалки. Потом справа пошёл молочный комплекс: восемь корпусов, на торцах наш логотип, ворота открыты, и видно, как внутри в два ряда стоят коровы и жуют. Возле кормоцеха разворачивался миксер.

Я посмотрел на приборную панель. Сто сорок. Машине было три недели, и я ещё не привык, что она так тихо едет.

— Кировский был колхоз? — спросил я.

— Колхоз, потом ЗАО, потом банкрот. Всё как обычно, Виктор Андреевич. Там от техники одни рамы остались, но земля хорошая.

— Земля всегда хорошая.

Олег засмеялся и открыл следующую страницу.

— По ЕБИТДА...

Справа что-то мелькнуло. Олег крикнул. Я успел нажать на тормоз и больше ничего не успел.

Было холодно.

Пахло бензином и мокрой шерстью. Я сидел, упёршись грудью в руль. Руль был тонкий, чёрный, с трещиной на ободке, и я знал эту трещину. Я знал, что она там с позапрошлой зимы, когда я дверцей прищемил...

Я поднял голову.

За стеклом шёл снег. Мокрый, крупный. Он падал на чёрную пашню и сразу таял. Пашня уходила вниз, к лесу, и в самом низу, у лога, стояла вода.

«Нива» сидела в колее по пороги. Дворник замер на середине стекла.

Я посмотрел на свои руки. Это были не мои руки. Широкие, красные, с тёмными ногтями, на безымянном пальце кольцо. Я своё кольцо снял девятнадцать лет назад.

И одновременно это были мои руки. Я помнил, как этими руками вчера тянул трос у гаража. Помнил, что поле называется Дальнее за логом. Что я поехал посмотреть, просохло или нет. Что Толик сказал: не проскочишь, Петрович. А я сказал: проскочу.

Олег. Трасса. Пшеница. Я закрыл глаза и увидел это так же ясно, как снег за стеклом.

Сзади зарычал мотор. Я обернулся. По краю поля шёл синий МТЗ с длинной антенной над кабиной. Антенну я тоже знал: Толик сам её варил из прута.

Толик Эфир. Анатолий Сергеевич Кузнецов, шофёр, по совместительству тракторист, тридцать четыре года, жена Люба, двое пацанов.

Я не вспоминал это. Это просто было у меня в голове, как таблица умножения.

Трактор встал. Толик высунулся из кабины.

— Ну что, проскочил?

— Нет, — сказал я. Голос был не мой: ниже и с хрипотцой.

— А я говорил!

Он спрыгнул в грязь, достал из-под сиденья трос и полез цеплять. Я вылез из машины. Ноги в кирзовых сапогах сразу ушли в жижу. Снег садился на рукав телогрейки.

За перелеском, в километре, шли вверх дымы. Много. Над ними торчала серая башня сушилки. Ниже длинная крыша фермы, над ней пар.

Я посмотрел на это и начал считать. Сколько там голов. Какие удои. Где хранят зерно. Сколько теряют.

Трос натянулся. «Нива» дёрнулась и вылезла на дорогу.

Толик смотал трос и стукнул ладонью по капоту.

— Живая.

— Толя, — сказал я. — Сеять когда начнём?

Спросил и через секунду понял, что сказал глупость. На Кубани сейчас яровые уже вошли. А здесь сеют с середины мая. Я это знал. Я, Иван Петрович Самсонов, знал это тридцать лет.

Толик смотрел на меня. Потом начал смеяться. Смеялся долго, сел на подножку трактора и вытирал глаза рукавом.

— Сеять! Петрович! Земля ещё не проснулась, а он сеять!

— Шучу, — сказал я.

— Ага. — Толик перестал смеяться и присмотрелся. — Ты не стукнулся, случаем?

— Грудью об руль.

— Покажи.

— Нормально всё. Поехали.

Я сел в «Ниву». Ключ торчал в замке. На брелоке был пластмассовый медвежонок, и я знал, что его мне подарила Марина, когда ей было десять.

Марина — это дочь.

Я завёл мотор и поехал в Таёжное.

Дорога от поля до села была грунтовая, потом пошёл асфальт. Асфальт был положен давно и с тех пор жил своей жизнью. Я объезжал ямы, не глядя на них. Руки знали каждую.

На въезде стояла стела. Бетонный колос, серп, буквы: «Колхоз “Красный Енисей”». Под буквами кто-то мелом дописал «Ленка дура». Мел размыло снегом, но прочитать было можно.

Первой пошла ферма. Три длинных коровника из белого кирпича, четвёртый недостроенный, без крыши. Возле ворот трактор с тележкой, в тележке навоз. Из ворот вышла женщина в фуфайке и белом платке, с двумя ведрами, увидела «Ниву» и поставила ведра. Я поднял руку. Она кивнула и подняла ведра обратно.

Нина Гаврилова. Доярка, двадцать лет стажа. Лучшая группа на второй ферме.

Я притормозил и посмотрел на коровник. Стекла в окнах через одно, остальные забиты фанерой. Над крышей пар, значит, внутри тепло и сыро. Коров отсюда было не видно. Но и так было ясно, что крышу надо перекрывать, а не латать.

За фермой начинался мехдвор. Забор из бетонных плит, в одном месте плиты нет, и через дыру натоптана тропа. Ворота открыты настежь. Во дворе стояли ЗИЛы, штук двенадцать, три

без колёс. Два гусеничных трактора. Дальше под навесом комбайны, их я насчитал девять. У одного была снята жатка, и она лежала рядом на земле, припорошённая снегом.

Жатку никто не накрыл. Я записал это в голове.

Над мехдвором торчала та серая башня. На кирпичной стене под ней белой краской было написано: «ЭЛЕВАТОР».

Я остановился.

Это был не элеватор. Это была зерносушилка, старая, с двумя складами рядом. Элеватор я в своей жизни строил. Там было четырнадцать силосов по три тысячи тонн каждый.

— Элеватор, — сказал я вслух.

Это слово тоже было в памяти. Здесь все так говорили. И на молочный цех здесь говорили «молокозавод».

Я поехал дальше.

Правление стояло в центре, двухэтажное, с колоннами у входа. Колонны были деревянные, покрашенные под камень. Перед входом доска почёта, рядом доска показателей. Я поставил машину и пошёл к доске показателей.

Доска была железная, под стеклом. Столбики, цифры, ферма номер один, ферма номер два. Надой на фуражную корову за прошлый год: две тысячи восемьсот сорок килограммов. Внизу приписка: «Выше районного показателя на 6%».

У меня на комплексе под Кореновском было одиннадцать тысяч.

Память сразу подсказала другое: две восемьсот сорок в Берёзовоярском районе считалось хорошо. За это Самсонову в прошлом году дали грамоту. Грамота висела у меня в кабинете. Я знал, на каком гвозде.

— Петрович!

От крыльца ко мне шёл мужик. Лет сорока пяти, в кепке, в пиджаке поверх свитера. Лицо знакомое. Имя пришло сразу: Гена Шестаков, пилорама.

— Здорово, Петрович. Ты как, живой? Толик по рации передал, ты на Дальнем засел.

— Живой.

— Слушай. — Гена оглянулся на окна правления и понизил голос. — Так мы как договаривались? По доске?

Я ждал, что память подскажет. Она молчала. Я знал, кто такой Гена, где он живёт и сколько у него детей. А про доску не знал ничего.

— Напомни, — сказал я.

Гена моргнул.

— Ну как... Как в тот раз. Пять кубов. Сороковка. Мне на веранду, а остальное... — Он опять оглянулся. — Остальное как Сычёв скажет.

Сычёв. Это имя в памяти было. Зампред по хозяйству. Николай Ильич. А вот что Сычёв «скажет» про доску с колхозной пилорамы, память не отдавала.

— Я подумаю, — сказал я.

— В смысле подумаешь? — Гена снял кепку и снова надел. — Петрович, ну я ж уже человеку пообещал.

— Какому человеку?

Гена посмотрел на меня так, будто я спросил, какого цвета снег.

— Ладно, — сказал он. — Я к Ильичу тогда зайду.

И ушёл, не попрощавшись.

Я стоял у доски показателей и смотрел ему в спину. Пять кубов доски. Одному на веранду. Остальное куда-то ещё. И в этом «куда-то» участвовал я. Не я, Виктор Андреевич, а Иван Петрович. Но спрашивать теперь будут с меня.

В кабинете было натоплено. Стол буквой Т, зелёное сукно, графин с водой, три телефона. Один белый, без диска. Портрет Горбачёва. Рядом грамота на гвозде.

На стене висел отрывной календарь. Верхний листок: «14 апреля 1988 года. Четверг». Я сел за стол и какое-то время смотрел на этот листок.

Восемьдесят восьмой. В девяносто первом не станет страны. В девяносто втором колхозы начнут переделывать в товарищества и АО. К двухтысячному половину из них можно будет купить за долги. Я знал это не из учебника. Я их покупал.

Дверь открылась. Заглянула женщина лет тридцати, с высокой причёской.

Валя, секретарь.

— Иван Петрович, из райкома звонили. Сводку по готовности к посевной до пятницы. И Королёва с фермы спрашивала, когда крышу. Вы обещали до Первомая.

Вот про крышу память ответила сразу. Обещал. В феврале, на собрании, при всех.

— Раз обещал, будет до Первомая, — сказал я.

Валя кивнула и не ушла.

— Что ещё?

— А вы Сычёву не будете звонить? Он спрашивал, вы доехали или нет.

— Доехал. Завтра в восемь планёрка. Всем главным специалистам, заведующим фермами, завгару, кладовщику. Пусть каждый возьмёт цифры по своему хозяйству.

— Какие цифры?

— Все, какие есть.

Валя подумала.

— Хомутов не придёт с цифрами, — сказала она честно. — У него никогда нет.

— Вот и посмотрим.

Она ушла. Я достал из ящика стола чистую тетрадь в клетку. В ящике лежали ещё пачка «Беломора», пустая бутылка из-под «Пшеничной» и ключи на кольце. «Беломор» я не курил двадцать пять лет. Руки открыли пачку сами. Я её закрыл и убрал обратно.

На первой странице я написал: «Доска. Гена Шестаков. Сычёв. 5 кубов».

На второй: «Крыша 2 ферма — до 1 мая».

Потом подумал и на третьей написал: «Жатка на снегу».

Дом был за правлением, на Садовой. Деревянный, обшитый доской, крашенный зелёной краской. Палисадник, в палисаднике голые кусты. У калитки на цепи сидел пёс, серый, лохматый, и молча смотрел на меня.

Пса звали Буран. Я знал, что Буран не лает, а сразу кусает, и что меня он не кусает.

Я прошёл мимо. Буран вздохнул и лёг.

На крыльце я снял сапоги. Поставил их к стене, носками к двери. Открыл дверь, вошёл в сени и вспомнил, что Иван Петрович сапоги всегда ставил в сенях, на газету. Вернулся, поставил.

В доме пахло борщом.

— Разувайся, не топчи, — сказала женщина из кухни. — Руки мой, я уже наливаю.

Галина Фёдоровна. Галя. Жена. Двадцать шесть лет вместе.

Я пошёл в ванную и попал в кладовку. Постоял среди банок с огурцами. Вышел, открыл соседнюю дверь. Ванная была там.

Над раковиной висело зеркало. Из зеркала на меня смотрел мужик пятидесяти лет: широкое лицо, нос с горбинкой, седина на висках, стрижка под машинку. Глаза серые. У меня были кариес.

Я долго мыл руки хозяйственным мылом.

На кухне стоял стол под клеёнкой в клетку. Три стула и табуретка. Галина поставила две тарелки. Я сел на ближний стул.

Галина посмотрела на меня. Потом на стул у окна. Потом снова на меня.

Место Ивана Петровича было у окна. Я это знал, но понял только сейчас.

— Здесь светлее, — сказал я.

— Ну, сиди, — сказала Галина и переставила мою тарелку.

Борщ был густой, со шкварками, и хлеб к нему чёрный. Сметана в банке. Я ел и понял, что голоден, как не был голоден, наверное, лет десять. В холдинге я обедал на переговорах салатом.

Галина ела медленно и смотрела в окно.

— Ты на Дальнем был?

— Был.

— Ну и что там?

— Вода в логу. Недели две ещё не зайдём.

— Толик говорит, ты про сев спрашивал.

Толик, значит, уже успел. Я вспомнил, что жена Толика, Люба, работает в сельпо. А в сельпо Галина покупает хлеб.

— Шутил я.

— Ага.

Я доел, положил ложку в тарелку.

— Спасибо, Галя. Очень вкусно.

Галина замерла с половником над кастрюлей.

— Ты чего?

— Что?

— Ничего.

Она налила себе ещё полполовника и больше в тот вечер со мной почти не разговаривала. Только посматривала. Когда я пошёл мыть свою тарелку, она забрала её у меня из рук.

— Сядь уже. Где Маринка, знаешь?

Про Марину память отдала сразу и много. Двадцать один год. Заведует молодёжным сектором в Доме культуры. В прошлом месяце её видели с шофёром из Берёзового Яра. В позапрошлом с кем-то из района.

— В клубе, — сказал я.

— В клубе, — повторила Галина. — В клубе в десять заканчивают.

Я посмотрел на часы. Было без двадцати одиннадцать.

Спать я лёг в одиннадцать. Кровать была с железными шариками на спинке, перина, три подушки горкой. Галина легла у стены и через пять минут задышала ровно.

Я лежал и смотрел в потолок.

Потом встал. Нашарил в темноте штаны. Носки. Носков на стуле не было. Я постоял, подумал, где у Ивана Петровича носки, и не вспомнил. Вообще. Будто стёрли.

Тогда я перестал думать, пошёл к комоду, открыл второй ящик и достал носки.

Значит, так оно работает. Если не думать, руки знают сами.

Я вышел на кухню, включил свет над столом и открыл тетрадь. Написал на четвёртой странице: «Что знаю». И ниже, в столбик: люди, поля, техника, долги.

Про долги память молчала. Про людей отвечала охотно. Я выписал фамилии: Сычёв, Хомутов, Роза Марковна, Королёва, Шестаков, Кузнецов. Против каждой ставил, что помню. Против Сычёва написал: «Доска. Что ещё?» Против Хомутова: «Нет цифр».

Потом нарисовал на странице квадраты: ферма, мехдвор, «элеватор», пилорама, склад. И начал проводить между ними стрелки. Сколько зерна идёт на корм. Сколько солярки на уборку. Цифр у меня не было, и стрелки получались пустые.

В два часа ночи на улице затарахтел мотоцикл.

Звук был знакомый. «Ява». Он доехал до нашего забора и заглох. Буран во дворе вздохнул, но не залаял.

Я выключил свет и подошёл к окну.

У калитки стоял мотоцикл без фары. Кто-то в куртке сидел за рулём, кто-то в светлом слезал с заднего сиденья. Светлое засмеялось, наклонилось к куртке. Потом куртка завела мотор и сразу рванула с места, без света, в сторону клуба. Я успел увидеть только спину и шапку.

Калитка скрипнула. Буран даже не поднялся.

Марина вошла в сени тихо, в носках, сапоги в руках. Нашупала выключатель, не нашла, пошла на ощупь и в дверях кухни налетела на меня.

— Ой! — Она отпрыгнула. — Пап! Ты чего в темноте стоишь?

Я включил свет.

Девчонка. Высокая, светлая, чёлка набок. Щёки красные с мороза. От куртки пахло бензином и чужими сигаретами.

Моя дочь. У меня, у Виктора Андреевича, детей не было.

— Кто это был? — спросил я.

— Кто?

— На мотоцикле.

— Никто.

— Никто на «Яве» без фары?

Марина посмотрела на тетрадь на столе, на квадраты со стрелками.

— Ты что, опять ночами работаешь? — Она зевнула, демонстративно, до слёз. — Спокойной ночи, папа.

И ушла к себе. Дверь в её комнату закрылась, щёлкнул крючок.

Я сел обратно за стол.

На пятой странице тетради написал: «Марина. Ява. Кто?»

Подумал и дописал ниже: «Выдать замуж».

Глава 2

Глава 2. Как договаривались

Проснулся я в шесть, без будильника.

Галины рядом уже не было. На кухне шипела сковородка. Я полежал, посмотрел на потолок, на трещину в побелке, похожую на реку. Трещину я знал. Её знал Иван Петрович. Он собирался её замазать третий год.

Штаны висели на стуле. Носки лежали на штанах. Галина положила.

Я умылся холодной водой, потому что горячей не было: колонка на кухне грела только вечером. Побрился опасной бритвой. Руки делали это сами, и я старался не мешать им. Один раз всё-таки задумался и порезал подбородок.

На кухне стояла яичница из четырёх яиц, с салом. Хлеб. Чай в стакане с подстаканником.

— Порезался, — сказала Галина, не оборачиваясь.

— Порезался.

Она оторвала клочок газеты и прилепила мне на подбородок. Я сел. На этот раз к окну.

Галина это заметила. Ничего не сказала, но заметила.

— Ты ночью что сидел?

— Работал.

— Маринка во сколько пришла?

— В два.

— И что?

— Спросил, с кем.

— Сказала?

— Нет.

— И не скажет, — сказала Галина и налила себе чаю. — Ты с ней как на планёрке разговариваешь. Она тебе кто, завгар?

Я ел яичницу и думал, что на планёрке я как раз разговариваю неплохо.

Дверь в комнату Марины была закрыта. Оттуда не доносилось ни звука.

— В клуб к девяти ей, — сказала Галина. — Не буди.

— Не буду.

Я надел телогрейку, потом снял и надел пиджак. Потом посмотрел в окно на лужи и надел телогрейку поверх пиджака. Галина смотрела на это молча.

— Кепку, — сказала она.

Кепка висела на гвозде у двери. Я надел кепку и вышел.

Снег за ночь сошёл, осталась грязь. Небо было светлое и холодное. На крышах сидели галки.

На Садовой мне попались трое. Мужик с ведрами, у колонки. Женщина с сумкой. Пацан лет двенадцати на велосипеде, без рук, в школу. Каждый говорил: «Здрасьте, Иван Петрович». Мужик ещё добавил: «Ну что, отселялся?» и засмеялся.

Я кивал. Про мужика с ведрами память сказала: Семенихин, скотник, пьёт по праздникам, но на работу выходит. Про женщину: учительница. Про пацана ничего, кроме того, что ончей-то Лёшка.

У правления, на лавке, сидела почтальонша. Сумка через плечо, резиновые сапоги, плавок. На коленях пачка газет.

Зина Потапова. Почта. Всё знает.

— Петрович! — Она встала. — А правда, ты сеять собрался?

— Кто сказал?

— Все говорят.

— Кто все, Зина?

Зина задумалась, честно перебирая.

— Люба Толикова в сельпо сказала. Потом Клава в столовой. Потом Нинка Гаврилова на ферме. А Нинке ещё кто-то. — Она протянула мне газеты. — Вот. «Сельская жизнь», «Красноярский рабочий», районка. И вот вам из райкома пакет, под роспись.

Я расписался. Зина смотрела на мою подпись.

— Чего? — спросил я.

— Ничего. Размашисто сегодня.

Я посмотрел на подпись. Подпись была Ивана Петровича, но буква «С» у меня вышла с кубанским завитком, как я расписывался сорок лет. Рука поставила её сама, раньше, чем я успел подумать.

— Выспался, — сказал я.

— А-а, — сказала Зина.

По её лицу было видно, что к обеду про подпись узнает Клава в столовой.

К восьми в кабинете собралось девять человек.

Я сидел во главе стола и смотрел, как они входят. Каждого память называла сразу, как только человек переступал порог.

Сычѳв Николай Ильич, зампред по хозяйству. Пятидесят три года. Высокий, в очках, в сером костюме, при галстуке. Единственный при галстуке. Сел по правую руку, как садился всегда, и положил перед собой пустой блокнот.

Роза Марковна Гринберг, главный бухгалтер. Шестьдесят лет. Маленькая, в вязаной кофте, с толстой папкой и калькулятором «Электроника». Села в дальний конец, поближе к розетке, хотя калькулятор был на батарейках.

Королѳва Тамара Ивановна, заведующая второй фермой. Крупная, румяная, в синем халате поверх свитера. От неё пахло фермой. Села у двери, чтобы уйти первой.

Белых Пѳтр Кузьмич, завгар. Маленький, сухой, с перевязанным пальцем. Зоотехник Лида, молоденькая, с тетрадкой. Бригадир полеводческой бригады Мохов. Заведующий первой фермой Панкратов. Парторг Лидия Павловна.

Хомутов Семѳн Семѳнович, кладовщик. Вошѳл последним. Толстый, лысый, в чѳрном халате, с большой связкой ключей на поясе. Сел у окна и сразу сложил руки на животе.

Ветврача не было.

— Где Василий Ильич? — спросил я.

Люди переглянулись. Королѳва сказала:

— На вызове.

Лида-зоотехник посмотрела на Королѳву и опустила глаза в тетрадку.

— Агронома тоже нет, — сказал Сычѳв. — Лаптев на курсах в Красноярске до двадцать восьмого. Вы же сами подписывали, Иван Петрович.

Подписывал. Память отдала это без задержки: мальчишка-агроном, воронежский, приехал по распределению прошлым летом, в марте сам попросился на курсы.

— Хорошо, — сказал я. — Начнѳм. Каждый коротко по своему участку. Три вещи. Что есть сейчас. Чего не хватает до посевной. Сколько это в цифрах. Пѳтр Кузьмич, с вас.

Белых кашлянул.

— Техника к посевной в целом готова.

— В цифрах.

— Ну... процентов на восемьдесят.

— Восемьдесят процентов от чего?

Белых посмотрел на Сычёва. Сычёв смотрел в блокнот.

— От парка, — сказал Белых.

— Сколько тракторов на ходу?

— Так... — Белых начал загибать пальцы на здоровой руке. — К-700 два, но один с коробкой. Дэтэшек семь, из них... пять. «Беларусы»...

— Я вчера на мехдворе видел жатку от «Енисея». На земле, под снегом. Её кто должен был накрыть?

В кабинете стало тихо.

— Жатку к уборке, — сказал Белых. — Уборка в августе.

— В августе вы её поставите ржавую.

— Так её до нас ещё ржавую привезли, Иван Петрович.

Кто-то хмыкнул. Мохов, бригадир. Я посмотрел на него, и он перестал.

— К понедельнику, — сказал я Белых, — по каждой единице техники. Номер, что с ней, какая запчасть нужна, есть ли она. На одном листе. Жатку сегодня под навес.

Белых записал что-то на пачке «Беломора», потому что бумаги у него не было.

— Тамара Ивановна.

Королёва выпрямилась.

— Дойное стадо на второй ферме четыреста двенадцать голов. Сухостой шестьдесят. Телят...

Она сыпала цифрами, не заглядывая никуда. Отёлы, привесы, надой за вчера, сколько коров на лечении. Всё помнила наизусть. Лида-зоотехник писала за ней в тетрадку и не успевала.

— Корма?

— Сена на ферме до мая хватит. Силос в траншее кончается, недели на две.

— До какого числа мая?

— До пятнадцатого. Если растягивать, до двадцатого.

— А выгон когда?

— В июне. Если трава пойдёт. У нас не раньше.

Я записал в тетрадь. Потом повернулся к Розе Марковне.

— Роза Марковна. Сколько сена по бухгалтерии на остатке по второй ферме?

Роза Марковна открыла папку. Нашла лист. Надела очки, которые висели у неё на цепочке.

— По второй ферме на первое апреля остаток сена шестьсот сорок тонн.

Королёва повернулась к ней всем телом.

— Сколько?

— Шестьсот сорок.

— Какие шестьсот сорок, Роза Марковна? У меня в сарае двести от силы!

— У меня по накладным шестьсот сорок, Тамара Ивановна.

Они обе посмотрели на меня. Потом Королёва посмотрела на Хомутова. Хомутов смотрел в окно.

— Семён Семёнович, — сказал я. — Сено через вас идёт?

— Сено через меня не идёт, — сразу ответил Хомутов. — Сено через бригаду. Я только комбикорм.

— Комбикорм на складе есть?

— Нету.

— Совсем?

— Всё выдано. По накладным.

— Роза Марковна?

Роза Марковна перелистнула страницу.

— Комбикорма по складу на первое апреля числится сто двенадцать тонн.

Хомутов даже не повернулся.

— Это на бумаге, — сказал он. — А на складе нету. Выдано.

— Кому выдано?

— По накладным.

Мохов опять хмыкнул, но на этот раз в кулак.

Я закрыл тетрадь и посмотрел на всех по очереди. Девять человек. Каждый что-то знал. Королёва знала коров. Белых знал технику, но без цифр. Хомутов знал всё, но молчал. У Розы Марковны были цифры, но цифры жили своей жизнью, а сено и комбикорм своей.

У меня в холдинге за такую разницу в остатках финансовый директор к вечеру писал бы заявление.

Потом память отдала другое. Такой разговор в этом кабинете уже был. Прошлой весной. И позапрошлой. Иван Петрович сказал тогда: «Разберёмся после посевной». И не разобрался.

— Значит так, — сказал я. — Инвентаризация. Сено, силос, комбикорм, солярка, семена. К понедельнику. Сверка бухгалтерии с тем, что лежит на месте. Роза Марковна считает, Тамара Ивановна, Мохов и Хомутов показывают. Николай Ильич, вы общий контроль.

Сычёв поднял голову от блокнота.

— В апреле, Иван Петрович? Перед посевной?

— Перед посевной. После посевной поздно будет.

— Людей отрывать...

— Два дня. Потом у нас семена будут считаться, а не угадываться.

Сычёв подумал. Потом кивнул и написал в блокноте одно слово. Я не видел какое.

Роза Марковна сняла очки и посмотрела на меня. Долго. Потом снова надела.

— Иван Петрович, — сказала она. — Вы в прошлый раз, когда я про сено говорила, сказали: «Роза Марковна, бумажки ваши — это ваши бумажки».

— Говорил, — сказал я.

Она подождала.

— Бумажки ваши — это самое ценное, что у нас сейчас есть, — сказал я.

Роза Марковна ничего не ответила. Она закрыла папку. Но я видел, что она два раза провела рукой по обложке, будто разглаживала.

Парторг Лидия Павловна дождалась паузы и сказала про политинформацию. Потом Лида-зоотехник спросила про ветпрепараты. Потом Мохов спросил, будут ли в этом году давать на посевную горячее питание в поле или опять сухой паёк.

— Будут, — сказал я.

Мохов удивился.

— В прошлом году сказали, денег нет.

— В этом году будет горячее. Люди работают по четырнадцать часов. Голодный тракторист сеет на двадцать процентов хуже.

— Это откуда такая наука? — спросил Мохов.

Этой науке меня научил мой агрохолдинг, где мы в две тысячи девятом посчитали выработку на смене с обедом и без обеда. Разница вышла восемнадцать процентов.

— Из журнала, — сказал я.

Мохов кивнул с уважением к журналу.

И тут за окном кто-то закричал:

— ДОРОГУ-У-У! ЗИЛ С ПРИЦЕПОМ!

Я повернулся к окну.

По улице, прямо по луже, бежал парень. Огромный, выше меня на голову, в пальто, которое было ему мало, и в резиновых сапогах. Руки он держал перед собой. В руках была крышка от кастрюли. Он крутил её, как руль, и на повороте к клубу заложил её влево, наклонился всем телом и загудел.

— Бу-у-у-у! Би-би!

Мимо него шла женщина с сумкой. Она отступила на тротуар и сказала: «Проезжай, Миша». Он проехал.

— Это кто? — спросил я.

И сразу понял, что спросил зря. Потому что память ответила одновременно с Моховым.

— Мишка, — сказал Мохов.

Мишка Зуев. Семнадцать лет. Мать Клава, в столовой. Отца нет. С головой непорядок с рождения. Добрый.

— А чего он с крышкой?

— На ЗИЛе работает, — сказал Мохов серьёзно.

— Где?

— Везде.

Все за столом кивнули, как будто это было записано в штатном расписании. Даже Сычёв.

Мишка заложил ещё один поворот и скрылся за клубом. Ещё секунду было слышно: «Би-би! Пошла, пошла!»

— Он каждую машину в селе по звуку знает, — сказала Королёва. — Мой Петька молоко возит, так Мишка ещё за поворотом кричит: «Петька едет!» И точно.

— Ладно, — сказал я. — Все свободны. Тамара Ивановна, задержитесь. Николай Ильич, вы тоже.

Королёва осталась у двери. Сычёв остался на стуле.

— Крыша на второй ферме, — сказал я Королёвой. — Я обещал до Первомае.

— Обещали, — сказала Королёва. Сказала так, будто обещание давали уже не первый раз.

— Сколько надо доски?

— Кубов пять, если стропила не трогать. И шифер. Шифер у Хомутова есть, я знаю.

— Нету у Хомутова шифера, — сказал Сычёв.

— Есть, — сказала Королёва. — Я своими глазами видела, за третьим складом. Под брезентом.

— Это фондовый. Под гараж.

— Под гараж он третий год лежит.

Сычёв улыбнулся. Улыбка была хорошая, спокойная.

— Тамара Ивановна, я разберусь.

— Я сам разберусь, — сказал я. — Доска с нашей пилорамы. Пять кубов. Шифер со склада. В субботу начинаете. Кто кроет?

Королёва подумала.

— Горюновы, отец и сын. Они в прошлом году клуб крыли.

— Скажите им от меня. Спасибо, Тамара Ивановна.

Королёва постояла ещё секунду, будто ждала, что сейчас что-то отменится. Потом сказала «хорошо» и вышла.

Сычёв посмотрел ей вслед. Потом снял очки и протёр их платком.

— Пять кубов, Иван Петрович, — сказал он. — Гена Шестаков вчера заходил ко мне. Говорит, вы с ним не договорили.

— Договорили. Эти пять кубов идут на ферму.

Сычёв надел очки.

— Гене они на веранду нужны были.

— Веранда подождёт.

— Там не только веранда.

— А что там ещё?

Сычёв посмотрел на меня. Внимательно, через очки. Так, будто пытался по моему лицу понять, что я знаю, а чего нет.

— Иван Петрович, — сказал он мягко. — Может, вам к фельдшеру? Толик говорит, вы вчера об руль ударились.

— Ударился, — сказал я. — Грудью. Не головой.

— Ну и хорошо, — сказал Сычёв. — Ну и слава богу.

Он встал и уже у двери сказал:

— Иван Петрович, по солярке к посевной — как договаривались? Ничего не меняем?

Я ждал, что память ответит.

Память молчала. Совсем. Так же, как вчера про доску Гены. Люди, фамилии, коровы, трещина на потолке, медвежонок на ключах — это всё было. А вот про солярку, про доску, про «как договаривались» было пусто, будто кто-то аккуратно вырезал эти страницы.

— Напомни, — сказал я.

Сычёв остановился в дверях.

Секунду он стоял спиной. Потом повернулся, и лицо у него было такое же спокойное.

— Да ничего особенного, — сказал он. — По-старому. Я потом занесу бумаги.

— Занеси.

— Занесу.

Он вышел. Я слышал, как он спускается по лестнице, неторопливо, и как внизу здороваются с Вале́й.

Я открыл тетрадь и на странице «Сычёв» под словом «Доска» написал: «Солярка. По-старому. Бумаги».

До обеда в кабинет заходили ещё двое.

Первым пришёл дед. Маленький, в валенках с галошами, в шапке, которую он не снял. Встал у двери и начал сразу, без «здравствуйте».

— Петрович. Как договаривались. Мне Орлика на огород.

Орлик. Мерин с конюшни. Память дала мне Орлика вместе с масью, возрастом и привычкой кусать за плечо.

А деда не дала. Я смотрел на деда и видел только шапку.

— Напомни, — сказал я.

— Ты мне в том году сказал: Архипыч, весной бери Орлика огород вспахать, как все люди. Я и пришёл.

Архипыч. Дед Архип. Фронтовик, живёт у реки, одинокий. Вот теперь пришло.

— Бери, — сказал я.

— Бесплатно?

— Бесплатно.

Дед Архип посмотрел на меня из-под шапки.

— Раньше ты говорил, за бутылку конюху.

— Конюху скажи, я велел.

Дед подумал, кивнул, развернулся и ушёл. У двери он опять обернулся.

— Добрый ты сегодня, Петрович. Не заболел?

Вторым пришёл мужик лет сорока, в брезентовой куртке. Этого память выдала сразу: Гусев, скотник с первой фермы, держит дома свиней, штук шесть. Гусев прикрыл за собой дверь, подошёл к столу и заговорил вполголоса:

— Иван Петрович. Как договаривались. Мне бы на этой неделе.

— Что на этой неделе?

— Ну... как всегда.

— Напомни.

Гусев покосился на дверь.

— Ну как. Мешок мне. Мешок Семён Семёнычу. И два... — Он совсем понизил голос.

— Ну, два туда. Как всегда. Я ж не сам. Я ж через Семён Семёныча.

— Мешок чего?

Гусев посмотрел на меня как на человека, который притворяется, чтобы его проверить. Потом решил, что проверяют, и заговорил быстрее:

— Комбикорма, Иван Петрович. Я ж не много. Я ж как все. Мне Семён Семёныч сказал, вы в курсе. Николай Ильич тоже сказал, в курсе. У меня ж свиньи. Мне ж до лета.

Я записал в тетрадь: «Гусев. Комбикорм. Мешок себе, мешок Хомутову, два — "туда"».

Гусев смотрел, как я пишу. Лицо у него сделалось серым.

— Иван Петрович... это вы что пишете?

— В понедельник у нас инвентаризация, — сказал я. — На складе будут считать комбикорм. Сто двенадцать тонн по бумагам. Если к понедельнику там будет на мешок больше, чем в пятницу, — я про этот разговор забуду.

Гусев стоял и открывал рот.

— А если меньше... — сказал он.

— А если меньше, ты мне сам расскажешь, куда «туда».

Гусев ушёл. Дверь за собой закрыл тихо и аккуратно.

Я сидел и смотрел на тетрадь. Страница «Сычёв» заполнялась быстрее, чем остальные. Доска. Солярка. Шифер. Теперь комбикорм.

И во всём этом везде был Иван Петрович. Все были уверены, что председатель «в курсе». Гусев, Гена, Хомутов, Сычёв. Никто не боялся. Никто даже не прятался толком.

Я вспомнил, как Олег, мой заместитель, говорил про Кировский: там от техники одни рамы остались. Я тогда не спрашивал, кто и как оставил от техники рамы. Мне было всё равно. Я покупал землю.

В час Валя принесла чай и сказала, что Сычёв ждёт внизу.

— Зачем?

— Говорит, вы хотели хозяйство посмотреть. Он «уазик» подогнал.

Я не говорил, что хочу посмотреть хозяйство. Но хотел.

Я надел телогрейку и спустился.

Сычёв стоял у «уазика» с открытой дверью. Уже без галстука, в куртке и сапогах. В руке у него была папка.

— Иван Петрович, — сказал он. — Раз уж инвентаризация. Давайте хозяйство глазами освежим. Перед посевной полезно. Я вам всё покажу.

— Всё?

— Всё, что нужно, — сказал Сычёв и улыбнулся.

Я сел рядом с ним. «Уазик» развернулся на площади, объехал лужу и поехал мимо клуба. У клуба стояла Марина, в светлой куртке, и разговаривала с двумя девочками. Увидела «уазик», отвернулась.

Сычёв посмотрел на неё, потом на меня. Ничего не сказал.

Навстречу по обочине бежал Мишка с крышкой. Он услышал «уазик» ещё издалека, остановился, повернул голову и прислушался. Потом закричал, радостно, на всю улицу:

— Николай Ильич едет! Дорогу!

И отбежал на тротуар, пропуская.

— Куда сначала? — спросил Сычёв.

— С мехдвора, — сказал я.

— С мехдвора так с мехдвора.

«Уазик» свернул к бетонному забору с дырой. Ворота мехдвора были открыты. Во дворе двое мужиков, матерясь, заталкивали под навес жатку от «Енисея».

Глава 3

Глава 3. Вам двигаться надо

Жатку дотолкали до навеса и бросили. Один мужик сел на неё и закурил. Второй увидел «уазик», толкнул первого, и тот встал.

Сычёв заглушил мотор.

— Начнём с гаража, — сказал он. — Там Белых, он покажет.

Белых нас уже ждал. Стоял у ворот мастерской и держал перевязанный палец на весу, как что-то ценное.

Мастерская была кирпичная, длинная, с высокими воротами. Внутри горели четыре лампы из восьми. На яме стоял ЗИЛ без кабины. У стены на верстаке лежал разобранный пуск-кач. Пахло соляжкой, горелым маслом и мокрым бетоном.

Я прошёл вдоль стены. Станок токарный, старый, но с блестящей станиной, значит, работает. Сварочный аппарат. Кран-балка, крюк подвязан проволокой.

— Кран-балка на ходу?

— На ходу, — сказал Белых. — Только крюк не опускается. Мы его вручную.

— Как вручную?

— Ну, лебёдкой. Вон той.

Он показал на ручную лебёдку, привинченную к колонне. Рядом с лебёдкой на гвозде висела бумажка: «Не трогать! Кулибин».

— А Кулибин кто?

Спросил и тут же вспомнил. Жорка Сазонов, механик. Кулибиным его звали лет пятнадцать, и на Сазонова он уже не откликался.

— Кулибин на дворе, — сказал Белых. — Дэтэшку заводит. С утра.

Мы вышли на двор.

Посреди двора стоял ДТ-75, синий, облезлый, с открытым капотом. Возле него, по пояс в моторе, стоял мужик в замасленной фуфайке. Вокруг, на безопасном расстоянии, стояли ещё трое и курили.

— Жора, — позвал Белых. — Председатель.

— Вижу, — сказал мужик из мотора и не вылез.

Я подошёл. Мужик вылез. Лет пятьдесят, небритый, рыжие брови, в руке гаечный ключ. Глаза весёлые и злые одновременно.

— Иван Петрович. Здрасьте. Пускач не хватает. Карбюратор.

— Что с карбюратором?

— Пружину на игле посадило. Новой нету.

— У Хомутова?

Трое с сигаретами засмеялись. Кулибин не засмеялся.

— У Хомутова, Иван Петрович, есть всё, — сказал он. — Только ему для этого надо сначала на Луну слетать и вернуться. А мне трактор надо сегодня.

Он полез в карман фуфайки и достал маленькую блестящую пружину.

— Это что?

— Это от «Сибири». Стиральная машина. У тёщи сдохла, я разобрал.

Он полез в пускач. Покопался. Трое с сигаретами подошли на шаг ближе. Кулибин вылез, взялся за шнур пускача, упёрся ногой в гусеницу и дёрнул.

Пускач чихнул, затрещал и завёлся. Кулибин послушал, подкрутил винт, послушал ещё. Потом полез в кабину, что-то там переключил. ДТ-75 вздрогнул, выпустил чёрный дым и заработал ровно.

Трое с сигаретами сказали «о».

— На заводе дураки собирали, — сказал Кулибин и вытер руки ветошью. — Я исправил. Я смотрел, как дым из трубы из чёрного становится серым, потом почти прозрачным.

У меня в холдинге работали сервисные инженеры от дилера. Выезд стоил сорок тысяч. Трактор с неисправным пускатом стоял бы до приезда инженера три дня.

— Сколько у нас таких пружин по хозяйству не хватает? — спросил я.

— Каких?

— Любых. Которых нет, а надо.

Кулибин посмотрел на меня удивлённо. Потом посмотрел на Сычёва. Потом снова на меня.

— Иван Петрович, это список на три листа.

— Напиши на три листа. К понедельнику. Белых сдаст вместе со своим.

Белых вздохнул. Кулибин почесал бровь ключом.

— Писать не люблю, — сказал он.

— Лида-зоотехник запишет. Ты говори.

Кулибин кивнул. Потом повернулся к дэтэшке, взялся за край капота, чтобы опустить, и замер.

Он так и остался стоять, согнутый, рука на капоте. Лицо у него стало белое.

— Жора?

— Всё, — сказал Кулибин тихо, не разгибаясь. — Прихватило.

— Где?

— Спина. И нога. Левая. Отнимается.

Трое с сигаретами бросились к нему. Один взял под руку, второй за другую руку, третий зачем-то за ногу.

— Не тяни! — заорал Кулибин. — Не тяни, говорю!

— Надо в фельдшерский, — сказал Белых. — Оля посмотрит.

— Не пойду я к Оле. Она уколёт и на неделю положит.

— Куда ты такой пойдёшь?

— Семёныча позовите, — сказал Кулибин сквозь зубы. — Он в школе сейчас.

Один из курящих побежал к воротам.

— Кто такой Семёныч? — спросил я Сычёва тихо.

И не дождался ответа. Память выдала сама: Виктор Семёнович Рябов, учитель физкультуры в школе. Ведёт секции в клубе. У Галины в прошлом году шею сводило, он за три раза снял.

— Физрук, — сказал Сычёв. — Он у нас спины правит.

Семёныч пришёл через десять минут. Не бегом, но быстро. Лет сорока, лысеющий, в синем тренировочном костюме с белыми полосками и в кедах по грязи. Поверх костюма накинута куртка.

Кулибин так и стоял у трактора, согнутый. Его держали под руки двое.

— Отпустите его, — сказал Семёныч.

— Упадёт.

— Не упадёт. Отпустите.

Мужики отпустили. Кулибин остался стоять, как стоял, только лицо у него сделалось ещё белее.

Семёныч обошёл его кругом. Положил ладонь на поясницу. Надавил в одном месте, в другом. Кулибин зашипел.

— Ящик из-под запчастей тащил?

— Коробку передач, — сказал Белых. — Утром. С Мишкой Горюновым.

— Вдвоём? Коробку?

— Лебёдка не опускается.

Семёныч ничего на это не сказал. Он взял Кулибина за локоть.

— Сейчас пойдём.

— Куда пойдём? У меня нога отнялась!

— Вам не лежать надо. Вам двигаться надо.

— У меня нога болит!

— Другой двигайте.

Кто-то из мужиков хмыкнул. Кулибин посмотрел на Семёныча с ненавистью и шагнул правой ногой. Потом, морщась, подтянул левую. Семёныч шёл рядом, не держал, только держал руку наготове.

— Ещё.

Кулибин сделал ещё шаг.

— Ещё.

Они дошли до стены мастерской. Семёныч поставил Кулибина лицом к стене, велел положить руки на кирпич и медленно, очень медленно отводить таз назад. Потом вперёд. Потом повернуться, лечь спиной на жатку под навесом, согнуть ноги.

Кулибин лёг на жатку. Семёныч взял его за колени, начал качать, как маятник, влево и вправо. Негромко говорил: «Выдох. Выдох. Не держи. Не держи, говорю, спину».

Мы стояли и смотрели. Белых, Сычёв, трое мужиков, я.

Через десять минут Кулибин сел. Через двенадцать встал. Сам. Постоял, повертел плечами и пошёл к дэтэшке, чуть припадая на левую ногу.

— Коробку сегодня не таскать, — сказал ему в спину Семёныч. — Вообще ничего не таскать. Вечером в клуб ко мне придёшь.

— Некогда мне.

— Тогда в четверг опять ляжешь. Только уже на неделю.

Кулибин не ответил. Но и спорить больше не стал. Опустил капот, аккуратно, одной рукой.

Семёныч повернулся ко мне.

— Иван Петрович. Здравствуйте.

— Здравствуй. Сильно у него?

— Защемило. Пройдёт. Но будет повторяться, пока они коробки передач руками носят.

Он кивнул на кран-балку в открытых воротах мастерской.

— Её когда починят, у меня пациентов вдвое меньше станет.

Я посмотрел на кран-балку. Потом на Белых.

— Пётр Кузьмич. Кран-балка первой строкой в списке.

— Там редуктор, Иван Петрович. Редуктора нет.

— Первой строкой.

Белых записал на пачке «Беломора».

Семёныч надел куртку как следует и пошёл обратно к воротам. Я смотрел ему вслед.

Учитель физкультуры. Ставка, наверное, рублей сто сорок. За десять минут поставил на ноги единственного механика, который умеет заводить трактор пружиной от стиральной машины.

Я открыл тетрадь и записал: «Рябов В. С. — физрук. Спины. Узнать, что ещё умеет».

Дальше Сычёв повёз меня на заправку.

Заправка была на краю мехдвора: две ёмкости на бетонных опорах, колонка, будка. В будке сидела пожилая женщина в очках и вязала.

— Тоня, покажи председателю журнал, — сказал Сычёв.

Журнал был толстый, в клеёночной обложке. Тоня подала его мне через окошко. Страницы разлинованы от руки, почерк ровный. Дата, номер машины, фамилия, сколько литров, подпись.

Я листал март. Тракторы в марте почти не работали: подвоз кормов, расчистка снега. Два-три трактора в день.

А литров выходило много.

Я считать умел. Я этим сорок лет занимался. Семьсот литров в день на снег и корма у меня не складывались ни в какую сторону.

— Много в марте ушло, — сказал я.

— Мартовские снегопады, — сказал Сычёв спокойно. — Дороги к фермам чистили днём и ночью. И котельная в мастерской на дизтопливе.

— Котельная?

— Своя котельная. На солярке.

Про котельную память подтвердила: была. Кочегарка в пристройке. Жрала.

Я отдал журнал Тоне.

— Сколько сейчас в ёмкостях?

— Семнадцать тонн с чем-то, — сказала Тоня. — Вчера мерила.

— К посевной сколько надо?

— Это к Николаю Ильичу.

Сычёв посмотрел на часы.

— Иван Петрович, давайте на ферму, а то Королёва на дойку уйдёт.

Я закрыл тетрадь, в которой успел записать «март — 700 л/день?», и сел в «уазик».

Свинарник стоял за второй фермой, отдельно, на бугре. Запах начинался за двести метров.

Свинарь дядя Коля встретил нас в воротах, в резиновом фартуке и в шапке, сдвинутой на затылок. Про дядю Колю память сказала коротко: Николай Фомич, пятьдесят восемь лет, свинарь всю жизнь, не пьёт, но ленится.

Внутри было темно и сыро. Станки в два ряда. В станках свиньи. Свиньи были длинные, с торчащими хребтами. Когда мы вошли, они все разом подбежали к кормушкам и закричали.

Кормушки были пустые.

— Когда кормили? — спросил я.

— Утром, — сказал дядя Коля.

— Чем?

— Комбикормом. Запаренным. И отходы из столовой.

— Сколько комбикорма в день?

— По норме.

— По какой норме?

Дядя Коля посмотрел на Сычёва.

— По какой выписывают, — сказал он.

Я подошёл к одному станку. Свинья смотрела на меня снизу, маленькими злыми глазами, и тыкалась пяточком в пустое корыто. Я на своих фермах свиней не держал, но на Кубани у соседей по району были комплексы, и я знал, как выглядит свинья на откорме.

Эта свинья выглядела так, будто откармливали её не её.

— Сколько голов?

— Двести сорок.

— Какой привес?

— Ну... — Дядя Коля развёл руками. — Нормальный. Порода у нас такая. Сухая. Сычёв стоял в воротах и не заходил. Отмахивался от запаха платком.

Я вспомнил скотника Гусева. Мешок себе. Мешок Хомутову. Два «туда». У Гусева дома шесть свиней. Интересно, какая у них порода.

— Николай Фомич, — сказал я. — В понедельник Роза Марковна будет считать комбикорм. Со склада и у вас. Сколько получили за месяц и сколько скормили.

— Так я ж по накладной.

— Вот и посчитаем по накладной.

Дядя Коля снял шапку и снова надел.

Птичник Сычёв хотел проехать мимо.

— Там смотреть нечего, Иван Петрович. Птичник как птичник.

— Раз как птичник, быстро посмотрим.

Птичник был длинный, низкий, с маленькими окнами под самой крышей. Окна были грязные. Внутри горели две лампочки на весь корпус. Куры сидели в клетках в полутьме и почти не шевелились.

Птичница Валентина Ивановна вышла к нам в синем халате. Лет шестидесяти, в очках, очень тихая.

— Сколько несушек?

— Четыре тысячи двести.

— Сколько яиц в день?

— Вчера тысяча семьсот.

Меньше половины. Меньше сорока процентов.

— Почему так мало?

Валентина Ивановна посмотрела на лампочки под потолком.

— Света нет, Иван Петрович. Лампочки перегорели. Я Хомутову заявку писала в феврале.

— И что Хомутов?

— Сказал, нету.

— А корм?

— Корм дают. Но тоже... — Она не договорила.

— Вентиляция?

— Вентилятор один работает. Второй сгорел.

Я прошёл по проходу между клетками. Куры провожали меня головами. Под ногами хрустела скорлупа и что-то ещё.

Курица несётся на свет. Это знает любой, у кого была бабушка в станице. Четырнадцать-шестнадцать часов света в сутки, и курица несётся. Восемь часов — и курица сидит.

Лампочка стоила копейки. Даже в восемьдесят восьмом году. Даже здесь.

— Сколько надо лампочек?

— Сорок. По проекту шестьдесят.

Я записал: «Птичник. 40 лампочек. Вентилятор. Свет 16 ч. Хомутов "нету"».

Сычёв смотрел, как я пишу.

— Иван Петрович, вы как ревизор, — сказал он весело. — Раньше вы в тетрадку не писали.

— Раньше я много чего не делал.

— Это да, — сказал Сычёв.

«Молокозавод» стоял рядом с фермой и оказался одноэтажным кирпичным зданием с двумя окнами. Внутри был сепаратор, ванна для охлаждения, маслобойка, столы из нержавеющей стали. Пахло кислым молоком.

Заведующая Шура, в белом колпаке, сказала, что молоко с фермы идёт в основном в район, на молочный завод, по плану. А здесь делают сметану и немного масла для сельпо и для столовой.

— Сколько сметаны в месяц?

— Как молока оставят.

— А в сельпо она есть?

Шура пожала плечами.

— Бывает. Разбирают быстро.

— Кто разбирает?

— Кто первый пришёл.

Я посмотрел на маслобойку. Маслобойка была старая, но чистая. У Шуры везде было чисто.

Люди в очереди в сельпо разбирают сметану кто первый пришёл. Значит, её мало. Значит, её можно делать больше, если оставлять больше молока. А молоко по плану уходит в район по закупочной цене.

Этот вопрос я пока записал без ответа: «Молоко → район. Сметана — дефицит. Считать».

Последней была силосная траншея возле первой фермы. Длинная, бетонная, накрытая плёнкой. Плёнку с одного конца сняли, и оттуда брали силос вилами в тележку.

Я подошёл посмотреть на силос. Силос был тёмный, пахнул кисло, как надо. Но в нём были толстые, в палец, стебли. И какие-то бурые круги, похожие на...

Я поднял один круг. Это была шляпка подсолнечника. Маленькая, с кулак, без семечек, пустая.

— Подсолнечник! — сказал я и почему-то обрадовался.

Подсолнечник я знал хорошо. На Кубани подсолнечник — это масло, жмых, экспорт, деньги. У меня под подсолнечником было тридцать тысяч гектаров.

— Подсолнечник на силос, — сказал Сычёв.

— Почему на силос? Сколько с гектара на семечку?

Сычёв посмотрел на меня поверх очков. Тракторист, который набирал силос вилами, перестал набирать.

— Иван Петрович, — сказал Сычёв медленно. — Он у нас не вызревает.

И тут память догнала меня и стукнула по затылку. Не вызревает. Лето короткое, в конце августа заморозки. Подсолнечник здесь сеют вперемешку с кукурузой на зелёную массу. Всегда сеяли. Иван Петрович сам утверждал этот севооборот.

— У нас на Кубани, — сказал я, — он бы...

И остановился.

— Где? — спросил Сычёв.

Тракторист с вилами смотрел на меня с большим интересом.

— На Кубани, — сказал я. — В кино видел. «Кубанские казаки».

— А, — сказал Сычёв. — Хорошее кино.

— Хорошее, — сказал тракторист и снова начал набирать силос.

Сычёв ничего больше не сказал. Но я видел, что он запомнил.

На обратном пути Сычёв ехал медленно и говорил о посевной. Говорил толково. Сколько семян, какие сорта, где сеять сначала. Всё знал. Я слушал и думал, что на его месте в холдинге такой человек был бы директором по производству. И что за такой март на заправке он был бы уволен в тот же день.

У склада он не остановился.

— А склад? — спросил я.

— Хомутов сегодня на пилораме, — сказал Сычёв. — Ключи у него. Завтра, Иван Петрович. Или в понедельник, вместе с инвентаризацией.

Склад проплыл за окном: длинное здание, три ворота, на каждом амбарный замок. За третьими воротами, у стены, лежало что-то большое под брезентом.

— Шифер? — спросил я.

— Шифер, — сказал Сычёв. — Фондовый.

Я записал в тетрадь «Склад — не показал. Шифер». И подумал, что за один день увидел всё хозяйство, и нигде ничего особенно страшного. Ни одной катастрофы. Тракторы заводятся. Коровы доятся. Куры несутся, пусть и вполсилы. Свиньи живые.

Просто везде немного утекает. Солярка, комбикорм, свет, доска, молоко. Как вода из бочки с десятком маленьких дырок. Каждая дырка сама по себе ерунда. А бочка к осени пустая.

— Ну как? — спросил Сычёв у правления. — Освежили глаза?

— Освежил.

— Хорошее у нас хозяйство, Иван Петрович.

— Хорошее, — согласился я. — Землю бы только не отдавать.

— Кому ж её отдашь, — засмеялся Сычёв. — Она государственная.

Дома Марина была дома.

Это я понял ещё с крыльца, по музыке. Из её комнаты играла кассета. Что-то быстрое, с синтезатором. Галина на кухне резала капусту.

— Пришла? — спросил я.

— В семь пришла, — сказала Галина. — Сказала, голова болит.

Мы ужинали втроём. Марина вышла к столу в халате, с мокрыми волосами, села на табуретку и ела картошку, глядя в тарелку.

— Как в клубе? — спросил я.

— Нормально.

— Что делали?

— Репетировали. К Первомаю.

— Что репетировали?

Марина подняла на меня глаза.

— Пап. Ты сегодня весь день всех расспрашиваешь. Мне Ленка Королёва рассказала. Ты у её мамы про сено спрашивал, у Шуры про сметану, у Валентины Ивановны про лампочки.

Весь день я был на мехдворе, в свиарнике и на ферме. Марина весь день была в клубе. К вечеру она знала мой маршрут поштучно.

— Работа такая, — сказал я.

— Раньше у тебя другая работа была?

— Марина, — сказала Галина.

Марина пожала плечами, доела картошку и ушла к себе. Кассету поставила громче.

Галина собрала тарелки. Я встал помочь.

— Сядь, — сказала она.

Я сел. Она мыла посуду и молчала.

— Семёныч сегодня Жорку Кулибина на ноги поставил, — сказал я. — На мехдворе. За десять минут.

— Он умеет, — сказала Галина. — Он и тебе в прошлом году плечо ставил. Ты забыл? Я не помнил. Память молчала.

— Забыл, — сказал я.

Галина обернулась от раковины. Посмотрела на меня с тарелкой в руке. Потом отвернулась и продолжила мыть.

Лёг я в одиннадцать. Долго не мог уснуть. Считал в темноте: семьсот литров в день на снег. Двести сорок свиней с торчащими хребтами. Сорок лампочек.

Уснул, кажется, в час.

А в три в окно постучали.

Громко, кулаком, по раме. Буран во дворе не залаял, но загремел цепью.

Галина села на кровати раньше меня.

— Ваня, — сказала она. — Стучат.

Я подошёл к окну. Под окном стояла девчонка в фуфайке поверх ночной рубашки и в резиновых сапогах на босу ногу. Лида, зоотехник.

Я открыл форточку.

— Иван Петрович! — Голос у Лиды срывался. — На второй ферме Звёздочка телится! Телёнок неправильно лежит! Тамара Ивановна там, а Василия Ильича нигде нету! Ни дома, ни в ветпункте! Мы стучали!

— Иду, — сказал я.

Галина уже подавала мне штаны. Носки лежали на штанах.

Гл

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.